

ловеке, который озабочен множеством царских дел... Чем объяснить эту необычную вещь, для нас неуместную? Чем? Твоей искусностью в добрых делах“).

Григорий Каматир имеет большую силу и влияние и может выступать посредником у императора, касается ли это вопроса выборов архонтов („πὼς οὐ προκλητικὸν ἐστὶ σοὶ μείζονος ἐκ Θεοῦ παρὰ βασιλεῖ δυνάμεως, ἵνα μείζω καὶ πόλεις εὐεργετοῦντα καὶ ἔθνη διὰ τῆς σῆς τῶν ἀρχόντων ἐπιλογῆς, καὶ παρὰ τῷ κρατοῦντι συστάσεως“) (col. 369 в), или защиты прав Охридской церкви относительно села *Ἐκκλησία* (30-е письмо). Кстати сказать, судьба церковного поместья весьма заботила охридского архиепископа, поэтому совершенно не случайно он обращает к Каматиру следующие строки: „Не превосходят ли самое сильное волнение те испытания, которые я претерпеваю по делу о церковном поместье. . . Немалую печаль доставляет нам слух о размежевании поместья“ (col. 540 А—В). Но и здесь Феофилакт возлагает свои надежды на Григория Каматира: „Πλὴν ἀντιτιθῆσαι, ὡς σοῖσι γούνασι κείται ταῦτα, βῶω τε τὰ τῆς λόπης, καὶ ἡμεῖς ἡδεῖς γινόμεθα“ (col. 540 В) („Поразмыслив же, что дело находится в твоей власти, мы умеряем печаль радостью“)³¹.

Особое место среди писем, обращенных к Григорию Каматиру, занимает 71-е письмо: судя по содержанию послания, Григорий оказал значительную услугу архиепископу, выступив в его защиту. „Итак, — говорит Феофилакт, — ты оказал мне большую услугу, освободив меня от несправедливого обвинения... Так ты пользуешься своим правом заседать в совете царя, о милостях которого свидетельствуют сами враги“³². Особый интерес этого письма заключается в том, что Григорий здесь (col. 492—493) впервые назван протосикритом (*πρωτοσηκρήτης*) и логофетом (*λογοθέτης*), т. е. лицом, занимавшим одновременно два столь высоких поста в империи. Это указание является весьма ценным, ибо, с одной стороны, оно подтверждает уже сказанное о Григории Каматири, а с другой — расширяет данные, касающиеся его государственной карьеры.

Таким образом, на основании различных источников можно проследить путь Григория Каматира, начавшего свою деятельность простым секретарем и ставшего в конце жизни протосикритом и логофетом. Кроме того, Григорий Каматир был удостоен „высочайшего“ (по выражению Хониата) титула севаста.

В связи с рассмотрением материала, относящегося к Григорию Каматиру, было бы, конечно, важно уточнить даты его жизни. Из „Алексиады“ Анны Комнины и „Истории“ Никиты Хониата известно, что он жил во времена правления Алексея и Иоанна Комнинов. Однако, когда начал Каматир свою деятельность и когда прервалась его жизнь — неизвестно. К сожалению, ни литературные произведения, написанные в честь Григория Каматира, ни письма болгарского архиепископа, ему адресованные, не дают об этом прямых указаний. Попытку установить дату смерти Григория Каматира сделал С. Д. Пападимитриу. Основываясь на отдельных данных монодии Продрома (на том, например, факте, что императрица Ирина была еще жива, на некоторых сведениях, касающихся деятельности императора Иоанна Комнина, и на сообщении о появлении большой кометы, предшествовавшей смерти Григория Каматира), С. Д. Пападимитриу пришел к выводу³³, что кончина Григория

³¹ Перевод Ф. И. Успенского (см. Ф. И. Успенский. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 27).

³² Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 12.

³³ С. Д. Пападимитриу. Федор Продром. Одесса, 1905, стр. 151.